

Вы наверняка его видели. Он сидит на углу у городского рынка, в любую погоду, зимой и летом. Сидит прямо на асфальте, раскинув длинные костлявые ноги, и на его лице блуждает глуповатая улыбка. Сначала я считал его одним из сонма оккупировавших людные места попрошайек, но он ничего не просит. Иной раз сердобольные прохожие, видя, как промокли штаны от подтаявшего под костлявым задом снега, уговаривают его встать или сесть на какой-нибудь ящик. Он слабо сопротивляется, но потом нехотя уступает.

Его подкармливают работницы близлежащих киосков, и он равнодушно, как потерявшая хозяина и сутками сидящая у дверей поглотившего его магазина собака, ест принесённые ими пирожки. Я никогда не видел зла на его лице, лишь улыбку. В конце концов заинтересовался — зачем он сидит?

— Здравствуй.

Он поднял на меня прозрачные, как осеннее небо, глаза.

— Тебя как зовут?

— Санька.

— Санька, а зачем ты здесь сидишь?

— Интересно... — в его глазах плещется недоумение от непонятливости вроде бы взрослого мужика. Санька теряет ко мне интерес и вновь

устремляет взгляд на текущий мимо поток людей и машин.

Я закуриваю и, взяв ящик, пристраиваюсь рядом. Санькин взгляд словно пробил брешь в моей самовлюблённой уверенности о понятиях «хорошо» и «плохо». В его глазах, чистых, каким бывает взгляд новорожденных, какая-то непонятная мне затаённая мудрость. «Интересно». Что может быть здесь интересного?

Мимо течет поток людей и машин. Санька иногда делает резкие жесты, словно комментируя то, что привлекает его внимание. Его руки нервные, с длинными, как у музыканта, пальцами, словно живут своей жизнью.

Понемногу я проникаюсь видом текущей мимо реки. Я словно сделал шаг в сторону от жизни и наблюдаю её со стороны.

Вон молоденькие девчонки щебечущей птичьей стайкой, весело обсуждая что-то своё, одним им известное и интересное, порхнули через дорогу под озорующие сигналы машин.

А вот огузшая, тяжело пыхтящая под тяжестью сумок тётка с отрешённым лицом остановилась и шевелит губами. Наверняка подсчитывает расходы, пытаюсь понять, почему в кошельке не та сумма, которую она ожидала увидеть.

Молодой парень в новом, довольно дорогом деловом костюме идёт с чуть наметившейся солидной улыбкой. Наверное, получил первую в своей жизни руководящую работу. Ему отчаянно хочется выглядеть солидно и успешно, но впечатление портят мальчишески худая шея и нахально оттопыренные уши.

Я начинаю понимать. Санька смотрит кино. Бесконечное кино, реалистичное и интересное, полное тайн, загадок и недоговорённостей, с безумно талантливой игрой актёров и даже статистов. Кино, которое не в силах снять ни один режиссёр. У Саньки есть своя тайна, непонятая нами, вечно спешащими по своим делам. Все мы актёры в его личном театре.

Неспокойное, стыдливое чувство, живущее в каждом из нас и заставляющее подавать нищим, отводить глаза от калек постепенно тает и уходит. Саньку не нужно жалеть. Это он может пожалеть нас. Ему всегда интересно — у него есть кино.

Я тихонько встаю и ухожу. Это — Санькино кино. Санька счастлив.

Она — странная. Её странность не та, что встречается у людей с отклонениями в мозгу, нет. Порой, думая о её странностях, сомневаешься — а может, это окружающие странны? Странны своими целями, стремлениями, бытом. Она — другая.

Её интересы лежат вне вещей и сытой жизни, хотя потратить последние деньги на понравившуюся тряпку — вполне в её духе. Просто эти тряпки не цель. Она ходит в драных джинсах, берете морской пехоты и полосатой «тельняшечной» блузке, которые слегка прячут её вполне модельную внешность.

Она способна заговорить с любым, инстинктивно его очаровать, вместе восторженно обсудить, например, красивый закат или игру уличного музыканта, и уйти своей дорогой, оставив за спиной восхищённый взгляд и лёгкую рану на сердце.

Она ищет смыслов и знаний. Йога, оккультизм, теории Бога.

Она испытывает себя на прочность рискованными трюками, прыжками с высоты.

Она любит прекрасное и уродливое, лишь бы оно не было серым и ординарным. В сокровенных уголках её души соседствуют Лорка, Пушкин, не известный широко Васильев, Губерман и просто её знакомый Мастер.

Она не пишет стихов. Для этого в её душе слишком спокойно. Но если вызвать там бурю — льётся поток великолепных и ярких образов, неожиданных поворотов мысли и совсем неплохих рифм. Ей дано писать.

Она — актриса. Не только по образованию, а по самой природе своей. Она не просто соперничает — она вживается в чужую жизнь. Она могла бы стать известной актрисой, но пережить период «седьмого дерева в третьем ряду» дано только упорным и целеустремлённым, а ей жаль тратить себя на мелочи.

Она — фонтан эмоций. Она плачет, читая грустную книгу, рыдает на монологе Сирано и умирает от смеха, встретив удачную шутку. В ней самым странным образом уживаются фантазии и трезвый, взвешенный взгляд на вещи.

Она живёт и спит наяву, в ожидании волшебной сказки, которая изменит её жизнь, сделает то, сладко-невозможное, о котором неясно томится её душа. При этом она остаётся трезвомыслящим прагматиком.

Она загорается на работе и горит ярко, жарко и заразительно. Она — тамада. Свадьбы, которые она проводит, остаются в памяти ярким событием. Она популярна в профессии и, будь её внешность чуть-чуть хуже, достигла бы больших успехов, но... Многие невесты начинают чувствовать себя неуверенно, заметив загоревшиеся при виде ведущей глаза жениха. Она красива, а увлечённая работой — прекрасна.

Она — синтез Руны Бегуэм и Дэйзи Гарвей, странным образом пришедший в реальность из текста Грина.

Она всё ещё ждёт своего Грея...

Она ждёт...

Она...

Я её придумал?..

«У любви даже плевки золотые...¹»

¹ Жюль Ренар. «Дневник».

Бога звали Дядя Вася. Оставьте свои споры теологи, атеисты, гностики и все остальные. Они смешны. Потому что Бога звали Дядя Вася.

Не то чтоб этот факт прибавлял Дяде Васе значимости. Если честно, он об этом не просто не задумывался — он этого даже не знал. Как, впрочем, и все живущие.

Непонимание Дядей Васей своей Божественной сущности не мешало ему жить и любить. Люди любили друг друга, красоту, деньги, власть. Кто-то любил боль. Кто-то жену соседа Наташу. Кто-то тихие утренние часы на рыбалке. Дядя Вася любил водку. Это была тихая, но всеобъемлющая страсть. Водка отвечала ему взаимностью, всегда давая своё тяжёлое и желанное забытьё. Дядя Вася был упорный и преданный влюблённый, и обрести желанное единение с возлюбленной ему не мешало ни отсутствие денег, ни вечная ругань жены, ни лекции о вреде алкоголя. Дядя Вася был сантехником.

Серёга (Serg88.com) считал себя Богом. Он гамал² «Вселенную». Согласитесь, работать в софтверной компании, занимающейся играми, и не играть в них — нонсенс. Тем более когда тебе чуть за двадцать, ты полон фантазий, романтики и радужных планов, выглядишь «очкастой жердьё» и почти всё свободное время проводишь в Интернете. Пускай он просто студент-сторож. Во «Вселенной» он — Бог.

Игра была «айс»³. Маленькие человечки под милостивым Серёгиным управлением быстро проскочили каменный, бронзовый и железный век. Сейчас Вселенная вступила в эпоху расцвета технологий. Космические корабли пронизывали её пространство проколами переходов, торговали и воевали. Люди строили города и обживали системы. Вместе с их успехами рос и Божественный рейтинг Serg88.com. Ещё немного, и молитвы обитателей Вселенной вознесут его до звания «Первого Бога Вселенной». Серёга считал себя Богом и гамал.

Владилен Михайлович не считал себя Богом. Просто несколькими тысячами работников холдинга он был приравнен в правах к Единому и Всемогущему. Владилен Михайлович принимал это как должное. Хотя для него Богом, единственной любовью и страстью, были деньги. Не все способы их получения укладывались в положения УК⁴, но это его не очень волновало. Главное, что сумма американских рублей на его личном счете наконец получила заветное восьмизначие и, следовательно, его планы о переезде из этой «страны хамья» становились реальностью. Оставалось лишь перевести деньги туда, где их никто не сможет отобрать, и уехать.

Люди всё так же жили своими мелкими и незначительными в масштабах Вселенной жизнями. Художники рисовали, учёные выдвигали гипотезы и выстраивали теории, влюблённые шептали стихи, щекоча нежное ухо любимой жаркими от сдерживаемой страсти губами. Мир жил своей жизнью.

Бог по имени Дядя Вася матерился.

Похмелье — это вам не шутки. Ежесекундно горло Дяди Васи сжималось, пытаюсь удержать тошнотную муть, старавшуюся выйти наружу. Тело тряслось мелкой дрожью. Если бы люди имели хоть каплю сострадания, они бежали бы к Дяде Васе с ёмкостями, полными желанной и необходимой, холодной и прозрачной, как

² Гамать (сленг) — играть в игру.

³ Быть «айс» (сленг) — одобрение, восхищение и масса положительных значений, противоположных «не айс».

⁴ УК (аббревиатура) — Уголовный кодекс.

слеза, жидкости. Увы, мир несовершенен. Жуткое чудовище в бигуди по имени Зинаида, по недоразумению бывшее женой Дяди Васи и посему присвоившее права на его доходы, садистски изъела вожденную сотню, предусмотрительно заначенную на опохмел.

В гаражах, излюбленном месте собрания поклонников «огненной воды», никого не было, и Дядя Вася, скорбный и умирающий, был вынужден идти на работу. Ну, скажите на милость — какая может быть работа в таком состоянии? Работа, по выражению самого Дяди Васи, предстояла «непыльная» — прочистить засорившуюся канализацию. От одной мысли о работе вообще, и этой конкретной в частности, становилось плохо.

Толик не был Богом. Он даже не претендовал на должность Спасителя. Зато «литруха», принесённая им, была воспринята Дядей Васей как манна небесная. Это у верующих манна небесная доставалась людям в незапамятные времена, и о ней до сих пор рассказывают с трепетом. Дядя Вася жил манной. И не он один. Водка, необходимая для жизнедеятельности «дядей васей», в нужный момент появляется непременно. Как и откуда — это никому неизвестно. Вроде и денег ни у кого нет, и занять негде, а раз — и уже несут эту волшебную жидкость, предназначенную для бережного наливания трясушимися руками в любую доступную тару, а то и напрямую в организм. Организм, надо сказать, всегда отмечал встречу дрожанием нетерпеливых рук и губ. Приветствовал, как возлюбленную, под аккомпанемент довольного кряканья.

Дядя Вася расстелил нетерпеливыми руками газетку, порезал неизменный плавленый сырок и открыл бутылку самого дешевого из существующих лимонада. Он всегда говорил: «Я не алкаш! Алкаши пьют без закуски, а я — всегда закусываю!» Дяде Васе не чуждо некоторое эстетство. Знакомое характерное бульканье позволяло Дяде Васе на слух определять, что Толик «не крысятничает»⁵, а льёт, как и положено, поровну.

— Ну, давай! — тост, может, и не ахти какой, но тост. Выпивка без тостов — пьянка. С тостами — культурное мероприятие.

Не успела водка опуститься в желудок, вызвав

живительное тепло, как какому-то дебилу приспичило воспользоваться туалетом, и из открытого зева трубы полилась полная фекалий жижа.

— ...мать! — Дядя Вася был до глубины души возмущён таким бесцеремонным вторжением в интимный процесс опохмелки, — нашли время срать!

Нет, вид вытекающей из трубы дряни не вызывал такого уж отвращения в закалённом Дяди Васином организме. Даже зловоние было привычным, а потому не замечалось. Но это не вписывалось в приятный процесс, а посему ящик, служивший столом, был перенесён в другой угол. В открытый рот трубы вбит массивный деревянный чопик⁶. На слабые сомнения Толика в безопасности этого действия Дядя Вася резонно ответил:

— А нефиг гадить, когда люди культурно отдыхают!

Жизнь шла своим чередом. Люди справляли естественные нужды, мыли руки, посуду, принимали душ. Розовый финский унитаз, стоящий в офисе и так любящий своё прекрасное отражение в чёрном кафеле, понял, что его, наконец, оценили и повысили до фонтана. Пусть струи, которые он изливал, плохо выглядели и дурно пахли. Все с чего-то начинают. В конце концов, его старания должны заметить и оценить. Он очень старался.

Владилен Михайлович удовлетворённо нажал «Enter», завершая долгожданный перевод в сверхнадёжный банк, расположенный где-то почти в мифической Швейцарии. Цепочка нолей и единиц, несущая информацию о будущем финансовом благоденствии Владилена Михайловича в «западном раю», унеслась по тонкому кабелю в бескрайние просторы Всемирной Паутины. Счастливый Владилен Михайлович откинулся в объятья кресла и закурил тонкую ароматную сигаретку — дело сделано.

Вселенская Церковь давно ушла от языческого поклонения идолу Первосвященника-На-Дыбе, с помощью которой он и был умерщвлён, и поклонялась Разуму как частице Единого и Непос-

⁵ «Крысятничать» (сленг) — обкрадывать товарищей.

⁶ Чопик — затычка.

тижимого Энергоинформационного поля. Переписывались Священные тексты, и теологи давали объяснения долгим заблуждениям.

Serg88.com — стало наконец синонимом Первого Бога Вселенной и могло быть вписано в анналы геймерской славы. Глаза его лихорадочно блестели, а клики мышки, направляемой опытной рукой, слились в одну победную песнь. В наушниках бился тяжёлый рок, разогревая кровь и отрезая звуки внешнего мира.

Мутные воды, извергаемые новоявленным фонтаном, добрались до лежащего на полу, вечно мешающегося, а потому вечно пинаемого админами⁷ удлинителя. Прекрасный, как северное сияние, разряд осветил комнату. «Щёлк» сказали автоматы, вырубив электроэнергию. Офис наполнился противным писком блоков бесперебойного питания, дружно сообщавших о катастрофе. Вот только услышать их было некому.

Конец Вселенной наступил не сразу. Звёзды гасли, живое теряло силы. Агонизирующая Вселенная стремительно эволюционировала, объединяя сознания. Родилось то, чему молилась Вселенская Церковь. Но порадоваться своей правоте она уже не могла, поглощённая новым разумом, сражающимся за свою жизнь. Из Вселенной уходили последние силы. Вселенная собрала их в кулак и послала импульс туда, откуда приходила её жизнь.

⁷ *Админ* — системный администратор. Программист, обеспечивающий поддержание работы сети и решение проблем пользователей.

⁸ *Иносказательно*. Так говорят, когда ломается оборудование или программное обеспечение.

Родившийся в компьютере импульс сжёг материнскую плату и винчестер, лишив Вселенную возможности возрождения из записи. Импульс ушёл в Сеть.

Сетевой сервер, получив неинтерпретируемую команду, взволнованно прошелестел винчестерами, тревожно поморгал индикацией, зашатался и рухнул⁸, успев чуть изменить программный код и дать права на исполнение новому вирусу.

Тысячи компьютеров были «убиты» новым вирусом «Вселенная».

Платёж Владилена Михайловича пришел на счет безымянному сибирскому колхозу. Миллионные долги вдруг стали огромной прибылью. Утром никому доселе неизвестные люди, о которых вспоминала только перепись населения, проснулись «Деревней Миллионеров».

В одной очень известной в определённых кругах клинике «душевного здоровья» появился новый пациент, похожий на растение и становящийся буйным лишь при слове «деньги». В этом живом овоще трудно было узнать человека с правами Бога, называвшегося ранее Владиленом Михайловичем.

Серёгино имя так и не вошло в список Первых Богов Вселенной. Да и работы он лишился по причине финансового краха компании.

В подвале на грязном ватнике счастливым пьяным сном спал Бог. Бог по имени Дядя Вася.

Ярослав Васильевич ШКРЫЛЬ

родился в 1971 году в городе Ош (Киргизия).

Пишет очерки, рассказы.

Участник Литературного семинара Г.М. Прашкевича.

Живет в Новосибирске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

